

Лекция 4. Лирика Древней Греции. Поэзия Древнего Рима.

Лирика Древней Греции.

1. *Песни Алкея.*
2. *Лирика Сафо. Сафо как мифологема европейской поэзии.*
3. *Анакреонт и анакреотика.*

Поэзия Древнего Рима

1. *Катулл.*
2. *Лирика Вергилия.*
3. *Творчество Горация.*
4. *Поэзия Овидия.*

Лирика Древней Греции

Лирика – один из трех литературных родов, призванный в стихотворной форме передавать чувства и мысли поэта. В современном понимании – это просто поэзия малых форм.

В отличие от эпоса, сущность которого составляет повествование, вписанное в определенное пространство и время, и стремящееся быть объективным или создать иллюзию объективности, – лирика представляет собой результат саморефлексии поэта, воплощенной в образе некоего лирического «Я», она декларативно субъективна по самой своей сути.

В Древней Греции лирика была песней (сам термин «лирика» происходит от гр. «лирикос» – исполняемый под аккомпанемент лиры, поющий под лиру).

Первоначально лирика была привязана к культу, обряду, ритуалу.

Песенная лирика, или *мелос* (от гр. «мелос» – песня) соседствовала с лирикой *декламационной*, к которой относились такие жанры, как элегия, эпиграмма и ямб (термины, специфические для Др. Греции). *Ямбы*, в древности особый жанр шуточного или сатирического содержания, *исполнялись в сопровождении флейты*.

Различались жанры *сольной (монодической)* и *хоровой мелики*, привязанной к обряду, к религиозной или социальной жизни полиса.

Будущее литературы было связано с развитием сольной лирики, т. к. коллективистское, родовое начало, лежавшее в основе архаичной культуры, постепенно отступало перед формирующимся индивидуальным самосознанием.

Лирика классического периода.

Сольная мелика имела в соответствующих диалектах свои географические и этнические варианты.

Наибольшее значение для истории литературы имеет *Эолийский мелос*, который развивался как сугубо монодический, культивировавший в лирике принципиально-субъективное начало. Его представляют такие значимые имена, как Алкей и Сафо. К ним примыкает формально не принадлежащий к лесбосской лирике странствующий поэт Анакреонт.

1. Песни Алкея

Алкей (1-я пол. VI века до н.э.) – первый из плеяды поэтов, прославивший родной Лесбос. Ему довелось жить в непростые для островной культуры времена. Аристократическая форма правления сменялась демократической. Старые роды уступали свою власть тирану (в отличие от современного негативного понимания тирании, в Др. Греции это понятие обозначало демократическую форму правления). Отстаивая свои

права, родовая аристократия Лесбоса вступила в конфронтацию с новой властью. Была побеждена в гражданской войне, и Алкею с товарищами пришлось претерпеть невзгоды изгнания. Вскоре старая власть была реставрирована, Алкей возвращается на остров.

Тема гражданской войны реализуется в песенной лирике Алкея, в емкой *метафоре* государства – корабля в бушующем море политических бурь. Этот образ наследуется в литературе Др. Греции, Рима, прочно укореняется в литературной традиции последующих эпох.

Вся жизнь поэта-воина была связана с аристократическим воинским сообществом, в среде которого мальчики воспитывались с детства. Соратники были и друзьями поэта детских лет.

Тема войны и дружбы – главные темы песен Алкея:

Медью воинской весь блестит, весь оружием убран дом –

Аресу в честь.

Тут шеломы, как жар, горят, и колышатся белые

На них хвосты...

Есть булаты халкидские, есть и пояс, и перевязь –

Готово все.

Ничего не забыто здесь – не забудем и мы, друзья,

За что взялись.

(Фр. 357. Перевод В.Иванова)

С темой дружбы неразрывно связана тема дружеской пирушки. Этот гедонистический аспект темы дружбы наследуется последующей литературной традицией. Также решена тема дружбы и в поэзии Анакреонта, и в лирике А.С. Пушкина, в его знаменитых стихотворениях, посвященных лицейским годовщинам.

Алкей же, в свою очередь, верен традиции фольклорной: застольная песнь была одним из популярнейших жанров песенной лирики:

Черплем из кубков мы

Негу медвяную,

С негой медвяною

В сердце вселяются

Ярого бешенства

Оводы острые.

(Перевод В. Иванова)

Эти строки необыкновенны глубиной проникновения поэта в диалектическую суть явления: вино дарит негу, сладость наслаждения, но одновременно рождает неистовство немотивированной ярости.

2. Лирика Сафо. Сафо как мифологема европейской поэзии

Младшая современница Алкея лесбосская поэтесса **Сафо** (Сапфо – родилась ок. 612г. до н.э. на о.Лесбос. Жила в Митилене. Дата смерти неизвестна), также принадлежавшая к митиленской знати, разделила с ней тяготы политических бурь гражданской войны и годы изгнания. Однако, в отличие от Алкея, политические темы не нашли почти никакого отражения в ее творчестве. В нем царит тема любви. Именно этой темой входит Сафо в историю мировой литературы.

Имя Сафо стало мифологемой греческой, а затем мировой культуры и литературы. Оно стало эмблемой самой поэзии, поэтического вдохновения. Не случайно у поэтов последующих эпох (А. Ахматова) образ Сафо персонифицирован в образе музыки.

Сама ее биография претворилась в миф, который достраивает судьбу поэтессы: не дождавшись своего возлюбленного Фаона, Сафо бросается в море. Такой финал концептуален. Перед нами логический итог жизни женщины, воспевавшей любовь и страсть, незнающую компромиссов, необычайную в своей силе.

Песни Сафо, славящие любовь, красоту и радость земного бытия, выражали самую суть древнегреческой культуры:

Я негу люблю.
Юность люблю.
Радость люблю и солнце.
Жребий мой – быть
В солнечный свет
И в красоту
Влюбленной.

(Перевод В.Иванова)

Гимны в честь богини любви Афродиты, *эпитоламы* Гименею отличаются торжественностью звучания и безупречной музыкальностью

Богиня любви царит не только над богами. Являясь в мир людей, она властвует там, одаривая людей радостью и наслаждением. Ее власть неодолима. В знаменитой песне Сафо «К Афродите» поэтесса, жалуясь на холодность возлюбленного, уверена в том, что он неминуемо склонится перед властью Афродиты, царящей в мире, – таков закон мироздания:

Прочь бежит? – Начнет за тобой гоняться.
Не берет даров? – Поспешит с дарами.
Нет любви к тебе? – И любовью вспыхнет,
Хочет, не хочет.

(Перевод В.Вересаева)

Однако теме любви в лирике Сафо присущи и *остро драматические интерпретации*. Любовь как мощная стихия обрушивается на человека:

... Словно ветер, с горы на дубы налетающий,
Эрос души потряс нам...

(Перевод В.Вересаева)

Сафо пристально вглядывается в тайны любви. Страсть дарит не только наслаждение, но и муку. В лирике Сафо в экспрессивных аксюморонах впервые в истории мировой литературы представлена *диалектика чувства*:

Эрос вновь меня мучит истомчивый –
Горько-сладостный.....

(Перевод В.Вересаева)

Величайшей новацией Сафо является попытка изобразить внутренний мир человеческой душ, пускай даже и через физиологические проявления:

Лишь тебя увижу,— уж я не в силах
Вымолвить слова, Но немеет тотчас язык, под кожей
Быстро легкий жар пробегает, смотрят,
Ничего не видя, глаза, в ушах же —
Звон непрерывный...

(Перевод В. Вересаева)

Поэзию Сафо выделяют также живописные зарисовки природы, выразительно использованные традиционные мотивы фольклорных и обрядовых девичьих песен, разнообразные поэтические ритмы.

Большое распространение не только в греческой, но и в римской поэзии получила так называемая «сапфическая строфа». Первые три стиха строфы состоят каждый из одного дактиля в середине с двумя трохеями спереди и сзади; а четвертый стих состоит из одного дактиля и одного трохея.

Поэзия Сафо пользовалась большим признанием во все времена. «Десятой музой» называл Сафо знаменитый античный философ Платон. Сафо славили в песнях, изображения ее чеканили на монетах и высекали из мрамора. Предание сохранило ее портрет: фреска из Помпеи представляет черноволосую, большеглазую, грациозную

женщину, с глазами, как маслины, с падающими на лоб кудрями. «Фиалкокудрая, сладостно смеющаяся Сапфо» – так писал о ней современник поэт Алкей.

С именем Сафо связано самое становление европейской любовной лирики.

3. Анакреонт и анакреотика

Последний в плеяде представителей монодической лирики – **Анакреонт** (вторая половина VI в. до н.э.)

Анакреонт принадлежит к так называемым *странствующим* поэтам. Малазиец по происхождению, он жил при дворах многих тиранов, однако его поэзия по духу примыкает к лесбосской лирике. Поэту довелось немало увидеть и пережить за свою долгую жизнь. Он печалится о наступившей старости, страшится неумолимой смерти:

Сединой виски покрылись, голова вся побелела,
Свежесть юности умчалась, зубы старческие слабы.
Жизнью сладостной недолго наслаждаться мне осталось.
Потому-то я и плачу – Тартар мысль мою пугает!
Ведь ужасна глубь Аида, – тяжело в нее спускаться...

(Пер. Г. Церетели)

В историю мировой литературы Анакреонт вошел как певец земных радостей: вина и любви. Он ярчайший выразитель античного **гедонизма**, которым, по сути, исчерпывается тематический диапазон его лирики. Поэт вошел в историю лирики как «символ игривого, изящного, веселого эротизма» (А.Ф. Лосев).

Тема любви у Анакреонта имеет только одну грань – гедонистическую: это *утехи* золотой Афродиты. В сравнении с Сафо концепция любви у Анакреонта лишена глубины: любовь для него – не «чудовище, от которого нет защиты», а сладостное и приятное развлечение:

Бросил шар свой пурпуровый
Златовласый Эрот в меня
И зовет позабавиться
С девой пестрообутой.

(Перевод В.Вересаева)

Дошедшие до нас стихотворения Анакреонта – преимущественно любовные и застольные песни, хотя известно, что поэт создавал также эпиграммы, гимны, элегии. В одном из наиболее известных любовных стихотворений Анакреонт изображает девушку в виде неопытной кобылки, которой суждено быть обузданной им, опытным ездоком:

Кобылица молодая, бег стремя неукротимый,
На меня зачем косишься? Или мнишь: я – не ездок?
Подожди, пора настанет, удила я вмиг накинута,
И, узде моей послушна, ты мне мету обогнешь.
А пока в лугах, на воле ты резвишься и играешь:
Знать еще ты не напала на лихого ездока!

(Пер. Г. Церетели)

По мотивам этого стихотворения Пушкин создал вольный перевод «Из Анакреонта»: «Кобылица молодая, честь кавказского тавра...» Большой популярностью пользовались также застольные песни Анакреонта, где он славил радости пира: наслаждения любви в окружении красоты и музыки:

Принеси мне чашу, отрок, — осушу ее я разом!
Ты воды ковшей с десятков в чашу влей, пять хмельной браги,
И тогда, объятый Вакхом, Вакха я прославлю чинно.
Ведь пирушку мы наладим не по-скифски: не допустим
Мы ни гомона, ни криков, но под звуки дивной песни
Отпивать из чаши будем...

(Пер. Г. Церетели)

Легкость и игривость содержания и музыкальность формы способствовали большой популярности Анакреонта уже в античные времена. Во времена эллинизма и Римской империи возникло целое направление в поэзии — **«анакреотическое»**.

Анакреонтика получила значительное распространение и у поэтов нового времени. Для поэтов Ренессанса и последующих эпох образ жизнелюбца Анакреонта был самым наглядным и общедоступным выражением античного мироощущения, как оно им представлялось. **«Анакреотические оды»** писались на всех языках (Парни – во Франции, Глейм – в Германии) и вышли из моды только в эпоху романтизма.

Что касается русской анакреонтики, то она начала складываться в XVIII в. и особенно сильно обозначилась в конце XVIII — начале XIX в. Русская анакреонтика представлена именами таких поэтов, как Ломоносов, Державин, Батюшков, Пушкин и др. В ряде случаев русские поэты вступают в своеобразную полемику с древнегреческим лириком. Так, интересно и наследие М.В. Ломоносова, который в форме «Разговора с Анакреонтом» дал перевод нескольких его стихотворений со своими ответами, показывая, в противоположность беззаботности Анакреонта и его тяге к наслаждениям, свою жизненную позицию: озабоченность общественным благом и более тяжелыми условиями жизни. Целый ряд стихотворений на анакреотические мотивы создал Пушкин. Некоторые из них («Поредели, побелели...», «Что же сухо в чаше дно?...», «Узнают коней ретивых...» и др.) представляют собой вольный перевод ряда текстов Анакреонта. Интересно также стихотворение Пушкина «Гроб Анакреонта», где создан яркий образ древнего жизнелюбивого поэта и в заключение изречена завещанная им «анакреотическая» мудрость:

Смертный, век твой привиденье:
Счастье резвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся,
Чаще кубок наливай;
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!

(Пер. Г.Церетели)

Имена **Алкея, Сафо, Анакреонта** составляют блестящую плеяду, чье песенное наследие на века прославило сольную мелику Древней Греции и легло в основу европейской и мировой поэтической традиции.

Поэзия Древнего Рима

В эпоху эллинизма и расцвета Древнего Рима песенная лирика становится **книжной** поэзией, песни становятся стихами – то есть литературой в буквальном ее понимании.

«Золотой век» поэзии Древнего Рима (I в. до н. э.).

Лирика Катулла

Вергилий и Гораций

Творчество Овидия

1. «Поэты-неотерики». Катулл

Развитие римской литературы середины I в. до н.э. ознаменовалось появлением в ней особой литературной школы.

Поэты, принадлежащие к этой школе, получили у современников несколько условное название *новые, неотерики* (греч. *neōteroi*). «Поэты-неотерики», или «новые поэты», как в насмешку называл их Цицерон, составили кружок римских поэтов середины I в. до н. э., куда входили представители молодой аристократии. Они культивировали в

основном малые литературные формы (*эпиграмму, элегию, эпиллий*), сознательно противопоставив их эпосу и драме. Образцом для поэтов-неотериков служила греческая поэзия, главным образом александрийская, вокруг Каллимаха. Стихи неотериков отличались ученостью и совершенством формы. Значение неотериков состояло в том, что они *первыми из римлян утвердили подход к литературе как к искусству*, нашли поэтическую форму для выражения интимных переживаний. В совершенстве владея языком и поэтической техникой, они установили высокие критерии в поэзии.

Произведения поэтов-неотериков дошли до нас лишь в разрозненных фрагментах или упоминаниях древних авторов.

Единственное исключение составляет сохранившийся сборник стихов поэта-неотерика Гая Валерия **Катулла** (Gaius Valerius Catullus – 87 или 84 до н.э., Верона – ок. 54г. до н.э., Рим).

Катулл родился в состоятельной семье. Его отец имел тесные связи с аристократами Рима, был дружен с Цицероном. Он хотел дать своему сыну хорошее образование, поэтому отослал «сына из Вероны учиться в Рим. В столице молодой человек сблизился с кружком поэтов-неотериков. Умер Катулл совсем молодым, в возрасте тридцати лет.

Его творчество насчитывает 116 стихотворений. Половину из них составляют стихи ругательные, другая половина – это стихи о любви и дружбе, ученая поэзия и различные размышления на личные темы.

Разумеется, в наше время читателю наиболее близки его стихи о любви и дружбе.

В стихах, посвященных Лесбии (псевдоним возлюбленной Катулла – Клодии), раскрыта история любви молодого человека римского общества середины I в. до н.э. Здесь впервые в римской литературе прослежены все этапы любви человека, счастливой и горькой. Сначала следуют радостные дни первого свидания, потом неуверенные подозрения в неверности, ревность, размолвка, временное примирение и окончательный разрыв с любимой. Поэзия духовных взлетов и падений человека живет в поэзии Катулла. Всего два глагола определяют суть его любви — «жить» и «любить». Но и в описании общечеловеческого чувства Катулл предстает не как стихийный поэт, а как человек, который тщательно проверяет свои чувства умом. И там, где вот-вот может обнаружиться непристойность, поэт ловко прячет ее за своей показной ученостью. Даже в скорби в связи с разлукой с любимой поэт понимает, что он не в состоянии окончательно разлюбить Лесбию. И хотя он уже не в силах уважать ее по-прежнему, сколь безупречна ни была бы ее красота, Катулл умоляет богов, чтобы Лесбия вновь полюбила его, хотя прекрасно понимает, что это невозможно. Любовь поэта явно выше любви обожаемой им подруги.

Полные страсти и выразительности стихи Катулла о прекрасной, но легкомысленной замужней сестре народного трибуна Клодия были, разумеется, новым явлением для римской литературы того времени.

Значительное место в поэзии Катулла занимают также *стихи о дружбе*. Дружба чрезвычайно высоко ценилась среди римских добродетелей как основа нравственности. Катулл воздает хвалу своим друзьям и их деяниям. Поэт не может жить изолированно, но радость в общении он видит не в деятельности на пользу общества и государства, как это прививалось гражданам римского общества, а в тесном общении с друзьями во время досуга, что придавало самой дружбе не общественный, а сугубо личный характер. В личных встречах создаются новые моральные ценности для римлян — «общечеловечность», «столичность». Друг должен быть всегда надежным единомышленником, способным утешить в личном горе.

Среди таких друзей можно не стесняясь раскрыть свою душу, свободно поделиться интимными подробностями, не боясь, что тебя могут неправильно понять и осудить. Вот почему лирический герой Катулла постоянно просит своих друзей подробно рассказать ему об их интимной жизни. Представление о дружбе в лирике Катулла во многом самобытно, но одновременно оно связано с литературными традициями Цицерона, Плавта и Теренция. Катулл, строя свой идеал дружбы по модели, предложенной

Цицероном, переориентировал человека с общественного на индивидуальное, с государственного на личное и интимное, в связи с чем понятие дружбы у Катулла коренным образом изменилось по внутреннему содержанию, сохраняя общий Цицероновский идеал дружбы, и приобрело черты творческой самостоятельности и самобытности.

Злободневные тревоги поэта нашли свое яркое воплощение в язвительных *ямбах*, направленных против Цезаря и его сторонников, в частности против бездарного офицера Мамурры. Цезарь сам признавался, что в стихах Катулла о Мамурре поэт «заклеймил его вечным клеймом». Когда Цезарь предложил поэту помириться, то Катулл со свойственной ему прямоотой ответил: «Меньше всего я стремлюсь тебе быть по сердцу, Цезарь».

В античные времена Катулл был очень популярен. В средние века поэзия Катулла сохранилась у него на родине, в Вероне. В эпоху Возрождения Катулла читал Петрарка. На стихи Катулла во многом ориентировались поэты французской Плеяды. В Германии поэзия Катулла имела определенное влияние на Г.Э. Лессинга и на прозу Э.Мерике. Глубокое влияние Катулла испытал поэт польского Возрождения Ян Козановский.

Первым переводчиком стихотворения Катулла на русский язык стал поэт В.К. Третьяков. Полного же Катулла на русский язык впервые перевел А.А. Фет. Для него перевод Катулла был вызовом своей эпохе, которая, по его мнению, порвала с великими древними традициями в искусстве и литературе. Сам большой поэт, А.А. Фет в переводах Катулла старался не обнаруживать своего поэтического дарования, а быть именно переводчиком, стремясь наиболее точно передать латинский источник, чем А.А. Фет очень гордился. Право на свободное изложение Катулла поэтическим языком он признавал только за «величайшим стилистом Пушкиным». А.С. Пушкин в день первой годовщины своей женитьбы, помня об эпитафиях Катулла, свободно перевел стихотворение Катулла «Мальчику»: «Пьяной горечью Фалерна...»

А.А. Фет называл Катулла «римским Пушкиным». Он сознательно сближал двух великих поэтов различных веков. А.А. Фет добавлял: «Лучше мы не можем очертить личного и художественного характера нашего поэта. Тот и другой — светские юноши, ищущие жизненных наслаждений и умеющие находить их во всех предметах. Чистые и честные натуры, они не опирались на какую-нибудь сознательную этику, а руководствовались одним преемственным чувством...»

Поэзия Катулла, послужила достойнейшим прологом к «золотому веку» римской поэзии.

2. Эпоха принципата Августа и расцвет римской поэзии. Творчество Вергилия и Горация как вершина поэзии «золотого века»

В 30 г. до н.э. столетняя полоса гражданских войн в Риме оканчивается установлением власти Октавиана Августа (род. 63 г. до н.э. – ум. 14 г. н.э.), приемного сына Юлия Цезаря. Аристократия и финансово-административное сословие всадников пошла теперь на службу принцепсу (*princeps* – первый) и превратилась в его чиновный аппарат. Принципат был естественной формой власти и означал уже переход от республики к империи.

Проводником литературной политики Августа был его советник **Гай Цильний Меценат**, в кружок которого входили Вергилий, Гораций, Варий. Самым крупным поэтом здесь был **Вергилий**, завоевавший своими произведениями мировую известность.

Творчество **Вергилия** – органичная часть культуры эпохи императора Августа. С идеями и интересами Августа, отвечающими собственным склонностям поэта, связаны все его произведения.

Мифологически-идеологическим обоснованием принципата Августа и имперских амбиций Рима служит главное произведение поэта – поэма Энеида, значение которой в

истории мировой литературы трудно переоценить. Ее отличает откровенная политическая тенденциозность. (Эпическое наследие Вергилия рассматривается в разделе «Эпос»)

Лирика Вергилия

Не только эпос, но и лирику Вергилия связывают с идеями Августа неразрывные узы. Так, Август, придя к власти, провел реформы, направленные на возрождение разрушенного гражданскими войнами хозяйства, восстановление древних римских добродетелей. Ранние сборники Вергилия «Букóлики» (греч. «Пастушеские стихотворения») и «Георгики» поэтизируют мир природы, жизнь в тесном общении с ней, наполненную радостями и переживаниями, и служат утверждению «августова идеала».

«**Букóлики**». Важное место в первом сборнике занимает пасторальная тема. Вергилиевские пастухи далеки от настоящих. Их быт в живописной Аркадии лишен снижающих прозаических подробностей. Сами они образованны, владеют изящным слогом и песенным даром. Буколические стихотворения – *эклоги* – чаще всего представляют собой диалог двух пастухов, их своеобразное состязание в искусстве пения. Темой песен, как правило, являются любовные переживания героев:

У всех свои страсти.
Видишь, волы на ярмах
Уж обратно плуги свои тащат,
Скоро уж солнце, клонясь,
Уводит растущие тени.
Я же горю от любви. Любовь
Возможно ль измерить?
(Эклога II; пер. С.В. Шервинского)

Нередко в пастушеских песнях вспоминается герой пасторального фольклора Дафнис, трагически погибший из-за стремления противиться любовному чувству. Своеобразным итогом «Буколик» можно считать слова из конца последней эклоги, вложенные в уста Корнеллия Галла, лирического поэта: «Все покоряет любовь, и мы покоримся Любви». «Буколики» утверждают власть любви, разливающуюся на все мироздание.

Особое место в сборнике «Буколики» занимает IV эклога. Здесь речь идет о чудесном плоде любви, тревогах родительского ожидания. В эклоге предсказывается предстоящее рождение чудесного младенца, с приходом которого наступит золотой век:

Век последний уже пришел по пророчествам Кумским,
Снова великий веков рождается ныне порядок.
Дева приходит опять, приходит Сатурново царство.
Снова с высоких небес посылается новое племя.
Мальчика лишь охраня, рожденного, с коим железный
Кончится век, золотой же возникнет, для целого мира,
Чистая ты, Луциана! У власти уже Аполлон твой.
(IV; пер. С. В. Шервинского)

Этот загадочный образ в последующие века вызвал немало споров. Так, в средние века Вергилий был объявлен «христианином до Христа», т.к. якобы предсказал здесь рождение Христа. Позднее в образе усматривали также отголоски греко-иудейских пророчеств и т.д. Между тем современные ученые выдвигают более прозаическую версию: полагают, что Вергилий хотел польстить императору, ожидавшему в то время ребенка. Однако вместо ожидаемого сына родилась дочь Юлия, позорящая Августа своим развратным поведением, а поэту не пришлось прояснять свой поэтический замысел.

В «**Георгиках**» человек представлен как частица природы, обязанная следовать её законам. Идея единства и круговорота природы доказывается многочисленными примерами из жизни растительного и животного мира. Поэма носит не только философский, но и назидательный характер: она содержит немало житейских и хозяй-

ственных советов, свидетельствующих о любви и знании Вергилием условий сельской жизни, сельского труда. Но самое важное здесь для Вергилия показать нравственное и экономическое превосходство жизни и труда на земле. В поэме Вергилий не раз обращается к Августу, Мecenату, сельским богам, призывая благословение на италийскую землю.

Римский философ следующего века Сенека скажет о Вергилии, что он «хотел не поучать пахарей, а услаждать читателей».

3. Творчество Горация

Младшим современником Вергилия был **Квинт Гораций Флакк** (Quintus Horatius Flaccus), (65 г. до н.э., Везувия, Италия – 8 до н.э., Рим) – древнеримский поэт. Отец его был вольноотпущенником, владел небольшим имением. Он дал своему сыну хорошее по тем временам образование. Сначала Гораций учился в Риме в школе, где изучал Гомера и древних римских поэтов, а потом уехал в Афины. Там Гораций занимался греческой поэзией и философией (ок. 45 г. до н.э.). Древние римляне и греки под философией понимали науку о нравах, Гораций же не придерживался какой-либо определенной философской школы: он принимал и эпикурейство, и стоицизм.

Когда после убийства Цезаря в Афины прибыл Брут, Гораций встал на сторону республиканцев и получил в их войске звание военного трибуна. Поражением Брута при Филиппах (42 г. до н.э.) и разгромом республиканской партии закончился период юношеских увлечений Горация: рушились мечты о римской свободе, впереди была новая жизнь. Гораций бежал с поля сражения, «кинув щит», и «с подрезанными крыльями» вернулся в Рим после объявленной амнистии.

Гораций оказался в трудной ситуации: имение отца было конфисковано, средств к существованию не было. Бывший предводитель легиона вступил в коллегию квесторских писцов, в обязанности которых лежала переписка законов, протоколов и других государственных документов. Гораций покупает должность писца. К этому времени (30-е гг. до н.э.) относится начало его литературной деятельности. «Отважная бедность», как сам он писал, побудила его писать стихи. Свои первые стихотворения Гораций назвал «Эподы», лирические стихотворения. В это же время он занялся писанием сатир.

Сборник «Эподы» состоит из 17 стихотворений, написанных *ямбом* на близкие Горацию темы из современной ему действительности (изданы в 31–30 гг. до н.э.) Гораций выпустил две книги *сатир* – первую около 35–34 гг. и вторую около 30 г. Сатиры были созданы по образцу греческих «бесед». Повседневные явления, незаметные факты без политической остроты служат для Горация материалом для создания сатир (10-в 1-й кн., 8-во 2-й).

Эти первые литературные опыты Горация привлекли к нему внимание Вергилия, увидевшего в нем талантливого поэта. В 38 г. до н.э. Гораций был представлен Вергилием и Варием Мecenату и вскоре вошел в его кружок, объединявший поэтов – сторонников нового режима.

В 33 г. до н.э. Гораций получил от Мecenата в подарок небольшое поместье близ Тибура – Сабинское имение.

Тяжелые испытания войны не сделали из Горация бойца. Они вызвали в нем желание уйти от политической борьбы. Мир, водворенный Августом (Цезарем Октавианом) после гражданских войн, привлек поэта на его сторону. Гораций разделял убеждения Августа о необходимости возродить былую строгость и простоту нравов в Риме и поддерживал его меры, принятые ради этого.

Произведения Горация обратили на себя внимание Октавиана Августа, предложившего поэту стать его личным секретарем, от чего Гораций отказался.

Постепенно Гораций становится «Августовым певцом», как называл его Пушкин. Еще в эпохах у Горация наметился путь к стихотворениям, которые он назвал «Песни» («Carmina»). Под этим названием в 23 г. до н.э. Гораций издал сборник лирических

стихотворений в 3-х книгах (в 1-й кн.—38 од, во 2-й —20, в 3-й —30). Гораций завершил еще книгу посланий и намеревался бросить поэзию ради философии, но Август потребовал новых стихов, прославляющих подвиги его пасынков Тиберия и Друза.

Лирические стихотворения Горация уже в античности стали называться *одами*, и такое название они сохранили до нашего времени.

Содержание од разнообразно: обращения к друзьям, любовь, мысли о быстротечности жизни, призывы к гражданскому примирению, восхваление Августа. Во многих одах Гораций использует различные стихотворные размеры, новые для римской лирической поэзии. Поэт настраивает лиру на новый лад и пропагандирует свое основное требование — принцип «золотой середины». Он пропагандирует довольство малым, умеренность, закаляющую человека. Она же является залогом достойного поведения на войне, залогом бессмертной римской добродетели. Требование «золотой середины» — отражение философии умеренных стоиков.

В 13 г. до н.э. Гораций выпустил 4-ю книгу од, состоящую из 15 стихотворений. Здесь проводятся мысли о бессмертии поэзии и прославлении Августа и его пасынков. Торжественность, гармоничность од характеризуют Горация как сложившегося поэта.

Гораций, по его собственному признанию, писал для знатоков, игнорируя массу и отзываясь о ней презрительно. Не широкий круг своих читателей делает Гораций судьей своего творчества, а тех людей, разбирающихся в поэзии, которые группировались вокруг Мecenата:

Я, чадо бедных, тот, кого дружески
Ты, Мecenат, к себе, в свой чертог зовешь,
Я смерти непричастен, - волны
Стикса меня поглотить не могут.
(пер. Церетели)

Оды Горация считаются по праву его лучшими произведениями. Безупречность формы при сжатой выразительности языка – результат тщательной кропотливой работы. Его художественные приемы, выбор лексики зависят от темы и идеи стихотворения, от изображаемого предмета. В одах, прославляющих Августа, Горация покоряет мудрость правителя, его власть – власть разумная. Могущество Августа сопоставляется с могуществом Юпитера, верховного божества.

В одах, посвященных любви, Гораций выступает как повеса, который воспекает вино и чувственные наслаждения, без заботы о будущем завтрашнем дне. В любви Горация, несмотря на обилие женских образов, нет страсти истинного чувства.

Рассуждая о значении своего творчества для Вечности, о месте поэта и поэзии в системе человеческого бытия в известной оде (кн. 3, ода 30) «Памятник» ("Eheximonumentum"), Гораций говорит о своих конкретных заслугах, например, принес римлянам греческую лирику — искусство Алкея, Сафо, Анакреонта. Да, поэт смертен, но его творения — вечны, говорит Гораций:

Создал памятник я, меди нетленнее:
Высоты пирамид выше он царственных,
Едкий дождь или ветер, тщетно бушующий,
Век не сломят его...
.....
Нет, весь я не умру – часть меня лучшая
Избежит похорон: славою вечною
Буду я возрастать, в храм Капитолия
Жрец восходит пока с девой безмолвною.
(пер. Н.И. Шатерникова)

С ним соглашаются два других великих, но русских поэта в одноименных стихотворениях – Державин и Пушкин.

В 17 г. до н.э., выполняя почетное поручение Августа, Гораций создает «Юбилейный гимн», «вековую песнь» для трехдневных всенародных празднеств, которые сопровождалась жертвоприношением богам и в которых принимали участие знатные люди Рима. В этом торжественном гимне в честь Аполлона и Дианы Гораций обращается к богам с мольбой о славе, об укреплении мощи и процветании Рима и божественного Августа.

В конце 20 г. Появилась первая книга «Посланий» Горация, а вторая – между 19 и 14 гг. до н.э. Хотя поэтические письма до Горация и были в творчестве Луцилия и Катутлла, но только Горацию принадлежит законченное художественное оформление эпистолярного жанра в поэзии.

Первая книга посланий написана на разнообразные темы философской характера, близкие к сатирам. Они, как и сатиры, написаны *гекзаметром*. Не все они являются действительно письмами – в некоторых случаях автор пользуется такой формой для передачи своих настроений. Наибольшая близость к сатирам заключается в послании 7 книги I. В нем Гораций возвращается к излюбленной теме – прославлению сельской жизни, подкрепляя свои мысли, как и в сатирах, примерами.

Тон посланий отличается большей серьезностью, что объясняется не только жанром и предметом изображения, но и возрастом поэта. Покой, свобода духа, преодоление неразумных желаний — основные мысли первой книги посланий. Свою задачу Гораций видит в том, чтобы передать эту истину людям своего круга и научить их жить правильно, сообразно с обстановкой его времени.

Большой интерес в историко-литературном отношении представляет вторая книга «Посланий», состоящая из трех писем: «К Августу», «К Флору» и «Послание к Пизонам», известное в литературе под названием «Об искусстве поэзии».

В «Послании к Флору» Гораций жалуется на непостоянство вкусов читателей, на хвастливых поэтов, признающих только свой талант.

Свои взгляды на поэзию Гораций подробно излагает в двух других посланиях. В «Послании к Августу», которое было создано по желанию императора получить произведение, посвященное ему талантливым поэтом, Гораций подчеркивает культурное и моральное значение поэзии, которая формирует и наставляет человека, утешает и приносит исцеление. Здесь же Гораций выступает против архаистов, находя их стиль слишком жестким, против грубого комизма, к которому проявляют интерес даже образованные зрители.

«Послание к Пизонам» («Об искусстве поэзии»), обращенное к аристократическим семействам, близким к литературе, – не что иное, как своеобразная «Поэтика», отражающая воззрения Горация на поэзию, литературу, поэта. Это послание повлияло на все развитие европейской литературы. В частности, французский классицист Буало в своей «Поэтике», закладывающей основы «новой литературы», следует Горацию не только в идейном содержании, но даже в композиции.

В «Послании к Пизонам» Гораций говорит о божественном значении поэзии, о ее способности влиять на людей с помощью проводника – поэта, обладающего не только талантом, но и трудолюбием и мастерством. Простота, краткость и ясность содержания в соединении с выверенностью и продуманностью формы – суть успеха поэтического произведения. В связи с этим стоит тщательно подбирать слова, а помогать в этом должен беспристрастный анализ критика. Основная задача поэта – радовать, наставлять и волновать – должна проявляться во всех жанрах, но с особенной силой в трагедии. В этом зрелище возможно возродить древние традиции, а с их помощью – и древние благопристойные нравы.

Классически изящно, с выразительной простотой Гораций обобщает в «Послании к Пизонам» свои *воззрения о задаче поэта, цели поэтического творчества*. Это не что иное, как приносить пользу, услаждая, говорить сразу приятное и полезное для жизни, тем самым, *развлекая, поучать*.

Большую часть своей жизни Гораций проводил в своем Сабинском имении. Он умер в 8 г. до н.э., оставив сравнительно небольшое количество произведений, принесших ему бессмертную славу.

Творчество Горация противоречиво: восхваляя Августа и Мecenата, он пытается остаться в кругу тем частной жизни; тяготея к «малым формам», он пишет послания.

Творчество Горация – поэта всеохватного по кругу рассматриваемых тем, останется не только строкой в истории **золотого века** римской литературы, но и в истории литератур многих народов и стран. Действительно, «лучшая часть» творений «избежала похорон», потому что пока живут на земле люди, любящие и читающие умные книги, будет жить и Гораций.

Гораций стал для всей последующей европейской культуры образцом поэта – учителя жизни. Как Вергилий учил познанию и осмыслению мира, так Гораций – поведению в мире. «*Золотая середина*» – знаменитый, выражающий идею гармонии, принцип Горация стал крылатым. В это принципе воплотился завет античной цивилизации Новому времени.

На долю Вергилия и Горация выпало оформить литературный язык в поэзии, как это сделал Цицерон в прозе.

В творчестве поэтов I в. до н.э. была осуществлена реформа языка и стиха латинской поэзии.

4. Закат «Золотого века». Поэзия Овидия

Творчество Овидия знаменует переход от сдержанных форм римского классицизма (поэзия Вергилия, Горация) к знаменитому «новому стилю», от золотого века римской поэзии – к веку серебряному (I в. н.э.), с его изощренной риторически-декламационной манерой.

Публий Овидий Назон (Publius Ovidius Nason) (43г. до н.э.–18 н.э.) родился в небольшом городке Сульмоне в 150 км от Рима в семье, принадлежащей к знатному всадническому роду. Он получил лучшее по тем временам образование. Родители мечтали о карьере политического или судебного оратора для Овидия, т.к. у него рано проявилось незаурядное владение словом. Поэт, подробно сообщая нам автобиографию в стихах («Скорбные элегии», IV, 10), между тем признается, что противился желанию семьи, поскольку его больше влекла мечта о служении музам, сочинительстве стихов («То, что я прозой писал, в стих выливалось само»).

Жизнь Овидия начиналась счастливо. Молодость он провел в кругу золотой римской молодежи, с чтением стихов выступил впервые рано («фраз или два лишь побрившись»), стихи его сразу получили признание. Это были **лирические стихотворения в жанре любовной элегии**, модном тогда в Риме. До Овидия в этом жанре проявили себя Галл, Тибулл, Проперций, однако Овидий быстро затмил их своей славой, заслужив репутацию «певца любви».

Сборник «Любовные песни» ("Amores") объединял в себе **цикл элегий**, посвященных возлюбленной поэта, условно названной именем греческой поэтессы *Коринны*. Уже в античности пытались установить, кто скрывается за этим именем, но безуспешно. Между тем предание свидетельствует, что немало женщин пыталось выдавать себя за Коринну. Сборник содержит немало традиционных мотивов: клятвы служения Амуру, восторг при милости возлюбленной, страдания от ее капризов и измен и т.д. Однако при этом *чувство поэта не приобретает глубокого драматического характера*. Преимущественно он *выражает его в шутливом, игривом тоне*. Для Овидия *любовь — это услада, своего рода игра, искусство, которым можно овладеть*, т.к. оно имеет свои законы, свои условия игры. При этом поэт отличается удивительной добротой, теплотой своего чувства. «Любовные элегии» были, так сказать, «практикой любви»; для полноты охвата нужно было еще написать «теорию любви» и «историю любви» (М.Гаспаров). Следующий сборник «Героиды» можно назвать «историей любви».

«Героиды» представляют собой книгу посланий мифологических героинь (Пенелопы, Федры, Дидоны, Ариадны и др.) к покинувшим их возлюбленным. В этой книге ярко проявилось присущее Овидию мастерство поэтической вариации. Все героини посланий находятся в одинаковом положении: тоскуют, страдают, призывают возлюбленных. Однако Овидий придал каждой своеобразие облика: в речи, внешнем облике, окружающих атрибутах. Их обрисовка уже лишена какой бы то ни было иронии. На мифологическом материале Овидий изображает драматические перипетии любви с полной серьезностью. *Мир любовных чувств женщины* впервые в римской литературе получил у Овидия глубокое и выразительное воплощение.

Иронические интонации возвращаются в поэзию Овидия, когда он создает «Теорию любви», талантливую **дидактическую поэму «Наука любви» ("Arsamandi")**. Здесь он дает советы сначала мужчинам, затем женщинам о том, где найти предмет любви, как его завоевать, а затем удержать. Поэт пытается уверить каждого в возможности любовной удачи при условии изобретательности, энергии, доброго, терпеливого отношения к предмету страсти. Суждения Овидия обнаруживают тонкую наблюдательность, знание причуд человеческого сердца, доброе, снисходительное отношение к человеческим недостаткам и слабостям. Легкая, игривая, изящная поэма одновременно дает представление о многих сторонах римского быта (облике жилища, одежде, украшениях, яствах и т.д.).

Когда Овидий закончил свою любовную трилогию, ему было уже за сорок. Он сам приобрел немалый опыт, в третий раз женился, на этот раз счастливо, у поэта росла дочь. Близ Капитолия находился дом поэта – удобный, хлебосольный, за городом, на берегу Тибра, располагался его сад место творческого уединения. Здесь поэт задумал два новых труда: ученую поэму «Фасты» ("Fasti") и мифологическую поэму «Метаморфозы» ("Metamorphoses"). Последняя стала главным трудом поэта и принесла ему мировую славу.

«Метаморфозы» представляют своего рода мифологическую энциклопедию, объединяющую около 300 мифов, изложенных в связной последовательности. Все они содержат мотив превращения и в совокупности своей призваны создать картину мира как постоянного движения и превращения форм, живых и неживых. Основанием же для этих превращений чаще всего становятся перипетии любви (миф о Нарциссе, Орфее и Эвридике, Пираме и Фисбе и др.). Волшебство поэмы создается мастерским изображением момента превращения. Оно рисуется как пластически-зримый процесс, никогда не мгновенный, связанный с постепенным преобразованием форм. Таинство рассказа усиливается тем, что поэт никогда не говорит заранее, во что превратится персонаж, и название нового существа оттягивается как можно дальше. Все это создает для читателя впечатление присутствия и погружает его в атмосферу чуда.

На протяжении веков «Метаморфозы» оставались любимым чтением широкого читателя, который обычно через них знакомился со сводом античной мифологии.

Между тем, когда Овидий находился в расцвете жизненного и творческого пути, на него обрушился страшный удар. По распоряжению императора Августа он был сослан из центра Римской империи в далекую причерноморскую колонию Томы (нынешняя Констанца в Румынии), в места отдаленные и дикие. Приговор был обусловлен желанием императора сделать из поэта, автора «Науки любви», козла отпущения, виновного в распущенности римских нравов, в т.ч. неблагоприятного поведения собственной внучки императора Юлии младшей. Приговор, означающий разлуку с семьей, близкими, Римом, Овидий воспринял как смерть. Силу его отчаяния, ярко передает элегия «Последняя ночь в Риме»:

Я отрываюсь, точь-в-точь будто члены свои
оставляю; Кажется, тело мое рвется на части само...
(Пер. А.В. Артюшкова)

Овидий прожил в ссылке десять лет. Здесь были созданы два сборника его стихотворений: «Скорбные элегии» ("Tristia") и «Письма с Понта» ("ExPonto"). В них на смену любовной элегии приходит элегия печальная, связанная с воспоминаниями, размышлениями и т.д.

Одна из основных тем этих сборников — тема одиночества. Можно сказать, что Овидий по-настоящему открыл эту тему для поэзии, рисуя одиночество как многообразные муки души и тела.

Важная тема «Скорбных элегий» — память о друзьях, жене. В них сосредоточена связь с покинутым Римом. Овидий оценивает дружбу как высочайшую духовную ценность, опору в лишениях и страданиях. Послания наполнены мольбами о заступничестве, помощи или хотя бы слове утешения. Однако после 14 г. в элегиях Овидия ощущается своеобразный перелом. Постепенно он до известной степени свыкся с новыми условиями, полюбил живущих вокруг него людей, выучил их язык и даже написал на нем стихи. Те же, в свою очередь, увенчали его как поэта, освободили от налогов, оказывали помощь в повседневных делах. В стихах Овидия периода ссылки запечатлены многие детали климата, быта, нравов обитавшего в Томах гетского племени. Пушкин замечал по поводу «Скорбных элегий»: «Сколько яркости в описании чуждого климата и чуждой земли, сколько живости в подробностях! И какая грусть о Риме, какие трогательные жалобы!»

Судьба Овидия, изгнанника, сосланного властителем, умершего на чужбине, близость его места ссылки к российским пределам сделали римского поэта особенно близким русскому читателю. К образу его обращались многие русские поэты, от Пушкина до Мандельштама. Уже в «Евгении Онегине» он предстает как «певец любви», наставник в «науке страсти нежной». Пушкин посвятил Овидию целый ряд стихотворений («К Овидию» и др.), в которых выразил чувство сходства своей судьбы с овидиевской (тоже сослан, тоже императором, в те же места, тоже за стихи):

Как ты, враждующей покорствуя судьбе,
Не славой — участью я равен был тебе.
(«К Овидию»)

Едва ли не самый выразительный образ Овидия создан Пушкиным в поэме «Цыганы». Старый цыган рассказывает Алеко поэтическую легенду о римском поэте:

Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный.
И полюбили все его.

И жил он на берегах Дуная,
Не обижая никого,
Людей рассказами пленяя... («Цыганы»)

Богатство и многообразие овидиевских образов snискали ему славу во все времена. Мотивы и образы его творчества нашли широкое воплощение в искусстве Нового времени.

Литература:

1. Сафо. Стихотворения // Парнас: Антология античной лирики. – Москва, 1980.
2. Анакреонт. Стихотворения / / Парнас: антология античной лирики. – Москва, 1980.
3. Катулл. Книга стихотворений.– Москва, 1986.
4. Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида.– Москва, 1979.
5. Гораций. Оды, эподы, сатиры, послания. – Москва, 1970.
6. Овидий. Элегии и малые поэмы.– Москва, 1973.
7. Овидий. Метаморфозы.– Москва, 1977.

Библиография:

1. Аверинцев С.С. Два века с Вергилием // С.С. Аверинцев. Поэты. – Москва, 1996, с. 19 – 42; <http://www.philology.ru/literature3/averintsev-96a.htm>.
2. Античная литература / Под ред. А.А. Тахо-Годи. – Москва, 1997.
3. История всемирной литературы: В 9-т тт. – Т. 1: Литература европейской античности. – Москва: Наука, 1983; // <http://feb-web.ru/feb/ivl/default.asp>.
4. Гаспаров М.Л. Вергилий – поэт будущего // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. – Москва, 1979.
5. Гаспаров М.Л. Катулл, или Изобретатель чувства // М.Л. Гаспаров. Избранные статьи. – Москва, 1995; с.371 – 394.
6. Гаспаров М.Л. Овидий в изгнании // Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта. – Москва, 1978.
7. Лосев А.Ф. Классическая лирика // А.Ф. Лосев. Античная литература. – Москва, 2005; // <http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/losev/index.htm>.
8. Полонская К.П., Ярхо В.Н. Античная лирика. Ранняя греческая лирика. Эллинистическая лирика. Римская лирическая поэзия. – Москва, 1967.
9. Тахо-Годи А.А. Хтонические мотивы в «Энеиде» Вергилия как один из принципов стиля // Вопросы классической филологии, 1973, № 5.
10. Толстой И.И. Саффо и тематика ее песен // И.И. Толстой. Статьи о фольклоре. – Москва; Ленинград, 1966.
11. Шталь И.В. Поэзия Гая Валерия Катулла: Типология художественного мышления и образ человека. – Москва, 1977.

Вопросы для самоконтроля

1. Информационные вопросы

- 1.1. Дайте определение понятию лирика. Очертите специфику лирики Древней Греции. Обозначьте ее типологию
- 1.2. Дайте определение «золотому веку» римской поэзии. Назовите имена, его представляющие. Обозначьте особое место творчества Овидия.
- 1.3. Охарактеризуйте жанровую специфику поэтических сборников Вергилия.

2. Аналитические вопросы

- 2.1. Сравните концепцию любви в лирике Сафо и Анакреонта. Охарактеризуйте понятие анакреотики.
- 2.2. Сравните концепцию любви в лирике Сафо и Овидия.
- 2.3. Охарактеризуйте круг тем, интерпретируемых в лирике Горация.

3. Интегрирующие вопросы

- 3.1. Продемонстрируйте значение анакреотической традиции в истории мировой литературы, подтверждая ответ конкретными примерами.
- 3.2. Раскройте смысл репутации «певец любви», закрепившейся в веках за Овидием.
- 3.3. Сформулируйте горацианскую концепцию творчества, продемонстрируйте ее актуальность на протяжении веков литературной истории.

Темы докладов и письменных работ

1. Сравните интерпретацию темы «Памятника» у Горация, Г.Р. Державина и А.С. Пушкина.
2. Аналитическая работа на тему «Связь лирики Катулла с традициями греческой любовной лирики».
3. Аналитическая работа на тему «Образ Овидия как мифологема европейской культуры».